

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Боровик Юлия Викторовна



**СТАРООБРЯДЦЫ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И СЕМЬЯ
ЕКАТЕРИНБУРГА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена в Лаборатории археографических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Пихоя Рудольф Германович

Официальные оппоненты: **Керов Валерий Всеволодович**,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
профессор кафедры истории экономики
Института общественных наук

Мангилева Анна Владимировна
доктор исторических наук, доцент, РОДОО ВО
«Екатеринбургская духовная семинария
Екатеринбургской Епархии Русской
Православной Церкви», профессор кафедры
церковной истории и филологии

Юхименко Елена Михайловна
доктор филологических наук,
ФГБУК «Государственный исторический
музей», главный научный сотрудник отдела
рукописей и старопечатных книг

Защита состоится 23 марта 2021 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 07.01.09 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=1724>

Автореферат разослан _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук



А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Старообрядчество, ориентированное на сохранение традиций – от внешнего проявления ритуально-обрядовых элементов до существенных функций приходской жизни в виде активности мирян в выборе причта, было и остается сложным и развивающимся явлением, неоднородным как в социальном, так и в догматическом плане. Разделения на согласия начались почти сразу после обрядовой реформы середины XVII в. и не закончились в XX в. Стремление сохранить чистоту веры наряду с постоянным творческим осмыслением святоотеческого наследия в контексте эсхатологических ожиданий способствовало закреплению в старообрядческой среде представлений об индивидуальной ответственности, характерных для Нового времени. При этом персональные действия и активность обретали смысл в традиционной мирской солидарности – помощи своей религиозной общине. Такое положение было в определенной степени результатом нестабильного правового статуса старообрядцев, в отношении которых политика духовных и светских властей Российской империи варьировалась от преследований и ограничений до терпимости и компромиссов. Выживанию в таких условиях способствовали крепкие внутриобщинные связи.

Развитие каждого из согласий с самого начала сопровождалось дискуссиями и появлением апологетических и полемических произведений, в которых обосновывался и отстаивался тот или иной выбор. На тенденциях в осмыслении самими староверами пройденного и предстоящего пути оставляли отпечаток не только обстоятельства переживаемого времени, касавшиеся всех, но также и пространственные условия обитания, круг социальных контактов, возможности наблюдения иного коммуникативного, управленческого, профессионального, образовательного, бытового вариантов опыта. Поэтому есть основания полагать, что насыщенное этими условиями городское пространство воздействовало на традицию и способы её поддержания в гораз-

до большей степени, чем среда промышленного или сельского поселения.

Изучение городского старообрядчества – это еще один шаг к более взвешенному пониманию особенностей феномена, олицетворяющего успешное сочетание разнонаправленных явлений. В староверии, с одной стороны, присутствовало стремление к поддержанию религиозного благочестия и сохранению конфессиональной обособленности, а с другой стороны – в виде старообрядческого предпринимательства, активно использующего технологические достижения, был явлен пример динамичного развития и освоения нового. Учитывая неоднородность старообрядчества и особенности его региональных вариаций, представляется необходимым изучение релевантности выявляемых характеристик этого феномена свойствам, взглядам, действиям определенных групп/страт.

Религиозная община и семья являлись во второй половине XIX – начале XX вв. социальными институтами, обеспечивавшими сохранение и трансляцию опыта. Следовательно, изучение существенных изменений, происходящих на этих двух уровнях необходимо для понимания степени устойчивости, гибкости и пределов трансформации системы норм, представлений, образцов и правил. Картина мира у поколения, выросшего и живущего в условиях города (при всех противоречиях российской урбанизации), постоянно усложнялась, включала новые связи и накладывалась на уже усвоенные повседневные обычаи, цели и ценности, не всегда напрямую, но тем не менее явно видоизменяя их, формируя новые умения и ориентиры, способствуя развитию индивидуальности и рациональности. Следовательно, в изучении истории религиозных обществ необходимо учитывать роль урбанизационной составляющей. Таким образом, представляется логичным изучение старообрядческого городского сообщества в канун и после реформ середины XIX в., комплекс которых обусловил динамичный рост городов. Для вновь прибывавших в город старообрядцев религиозная община становилась одним из институтов адаптации к непривычному для них образу жизни. Этот институт влиял на представления о социаль-

но приемлемом поведении и позволял выстроить и/или существенно расширить контакты в городском социуме. Изучение особенностей подобных процессов сохраняет актуальность в настоящее время, поскольку способствует пониманию того какие институты и в какой степени были задействованы в решении проблем, возникавших в ходе социальной адаптации у подрастающего поколения и мигрантов.

Развитие общества и развитие семьи являются взаимосвязанными процессами. Динамика изменений в обоих случаях в наибольшей степени проявляется в условиях большого города, сочетающего многочисленные разнонаправленные функции. Для данного исследования важна трансформирующая роль города, предполагающая, что сложность условий жизнедеятельности вызывает к жизни новое, преобразует форму, состав и структуру устоявшихся явлений.

Хронологические рамки – конец 1850-х – 1919 гг. Нижняя граница обусловлена необходимостью включить в сравнительный ряд состояние городского сообщества и семьи старообрядцев накануне реформ и отмены статуса горного города, сдерживавшего развитие и приток нового населения. Это своеобразная точка отсчета также связана с началом пересмотра государственной политики по отношению к старообрядчеству и отходу от репрессивного воздействия на его приверженцев.

Верхняя граница исследования определена временем окончательного установления советской власти на Урале, в том числе и в Екатеринбурге в середине 1919 г. после чего было введено провозглашенное декретами 1917–1918 гг. советское законодательство, принципиально иное относительно религии, семьи и брака.

Поскольку на протяжении рассматриваемого периода были изданы несколько законодательных актов, касавшихся правового статуса староверов, в развитии исследуемого объекта можно выделить внутренние этапы, опирающиеся на указы 1870–1880-х гг. и 1905–1906 гг. о признании старообрядческой семьи, духовных лиц и общин.

Географические рамки исследования включают в себя Екатеринбург и его пригород со старообрядческим населением. Среди уральских городов Екатеринбург был местом наибольшего сосредоточения старообрядцев как в абсолютных, так и в относительных цифрах. Екатеринбургцы составляли почти 60% городского старообрядческого населения всего Прикамья, Среднего Урала и Зауралья. Кроме того, в пределах Пермской губернии старообрядческое население Екатеринбурга составляло самую высокую долю среди городских жителей.

Екатеринбург выделялся во второй половине XIX в. не только своей многофункциональностью, динамикой роста, но также признанностью в качестве авторитетного старообрядческого регионального центра, своеобразного драйвера, с инициативами, вызывавшими широкий отклик в обществах не только Урала, но и Западной Сибири. Екатеринбургское общество было тесно ассоциировано со своим «спутником» – обществом в близлежащем селении Шарташ, откуда происходили многие городские старообрядческие фамилии. Во второй половине XIX – начале XX вв. шарташские старообрядцы-часовенные принимали участие в соборах, собраниях, подаче прошений как от лица своей общины, так и в качестве представителей Екатеринбурга. Поэтому Шарташ включен в исследование в качестве самостоятельной части большого городского старообрядческого сообщества.

Степень разработанности темы. В исследованиях, посвященных истории старообрядчества, к настоящему времени рассмотрен широкий круг проблем, при этом вопрос о влиянии урбанизации ранее не ставился в качестве самостоятельного. В логике исторических изысканий ему предшествовало изучение произведений духовной литературы староверов, проводимое историками и филологами Москвы, Петербурга, Сыктывкара, Екатеринбурга, Томска, Новосибирска, которое показало влияние региональных и локальных особенностей на выстраивание отношений староверов с властями, а также на взаимодействие различных групп внутри старообрядческих обществ между собой. Исследование Н. Н. Покровским, Р. Г. Пихоей, Л. А. Соболевой,

А. Т. Шашковым, В. И. Байдиным, С. А. Белобородовым, П. И. Мангилевым, Ю. В. Клюкиной, А. С. Палкиным произведений, происходящих из старообрядческой среды уральского региона, дало понимание различий в мировоззрении горнозаводского старообрядческого населения, представителей торгово-промышленных слоев, наиболее активно вовлеченных в процессы рыночного обмена, и крестьянства, связанного с традиционным сельским типом хозяйствования. Выводы о значительной роли городских лидеров в истории самого староверия дополняются результатами антропологически ориентированных исследований городской истории (Н. С. Корепанов, В. А. Шкерин, В. П. Микитюк, Н. А. Миненко, С. В. Голикова, Е. Ю. Апкаримова), которые указывают на своеобразие процессов развития городской культуры на Урале, обусловленное в том числе присутствием сторонников «древлего благочестия». Подробный анализ исследований по теме диссертации содержится в первой главе и позволяет сделать вывод о необходимости специального изучения городского старообрядческого социума как одного из составных элементов постоянно взаимодействующей и развивающейся среды.

Объект – старообрядческое сообщество на двух базовых взаимосвязанных уровнях социальной организации: приходской общины и семьи, находящихся под влиянием городской культуры.

Предмет – социокультурные процессы, происходящие в старообрядческой семье и общине города и тесно связанной с ним пригородной территории, то есть свойственные данному религиозному сообществу особенности развития под влиянием сложной, дифференцированной пространственной и социальной городской среды. Городское религиозное сообщество/общество в данном случае понимается как совокупность приходских общин, сконцентрированных вокруг молелен/молитвенных домов/церквей, и семей, входящих в эти общины в пределах городского пространства с характерными для городского типа свойствами, в т. ч. интенсивным социальным взаимодействием и пространственной мобильностью. Определяющим принципом

связанности общин в этом случае является не иерархическое соподчинение и соответствие функциональным требованиям, а холархическая включенность, предполагающая самостоятельность и цельность частей, входящих в силу собственных потребностей в систему более высокого уровня.

Цель диссертационного исследования: проанализировать основные тенденции развития старообрядческого сообщества города Екатеринбурга чтобы выявить общие и специфические проявления социокультурных и демографических процессов в данной деноминации в условиях начальной стадии урбанизации.

Задачи, необходимые для достижения поставленной цели формулируются следующим образом:

– Разработать методику исследования старообрядческого социума, направленную на выявление особенностей этой группы в городской среде;

– Рассмотреть состояние и функционирование старообрядческих общин и семей как социальных институтов второй половины XIX – начала XX вв.;

– Определить особенности и факторы изменения численности, социально-сословного и половозрастного состава, профессионально-деловых связей старообрядческих общин в контексте развития российского города второй половины XIX – начала XX вв.;

– Установить содержание и формы идентичности в старообрядческой городской общине и семье; выявить степень включенности старообрядцев в общегородские тенденции развития;

– Определить качественные (типологические, структурные) и количественные изменения семейного строя у старообрядцев города и пригорода; выявить формы и степень влияния урбанизации на социально-демографические характеристики изучаемого сообщества.

Источниковая база исследования включает в себя законодательные акты, актовые источники старообрядческих обществ, делопроизводственную документацию, статистику, материалы учета населения (ревизские сказки, посемейные списки и метрические книги – на основе двух последних разновидностей

источников для расширения информационного потенциала были созданы несколько номинативных баз данных). Кроме того, использовались материалы периодической печати, полемические произведения старообрядцев, источники личного происхождения. Анализ источниковой базы диссертации представлен в первой главе.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование основывается на принципах системности и историзма. Используемые в работе методологические подходы определены объектом, предметом и задачами исследования. Общетеоретической основой является регион-ориентированная модель модернизационного подхода, рассматривающая общество как неоднородное и вариативное, гибко и не однонаправленно реагирующее на трансформационные вызовы. Старообрядческое сообщество города являлось частью регионального социума и ассоциировалось, как правило, с консервативными настроениями. Одновременно оно было авангардной частью старообрядческого мира, агентом городской культуры для остального старообрядческого мира.

Предмет исследования носит междисциплинарный характер и находится на стыке нескольких дисциплин, изучающих город, социокультурные процессы и религиозные сообщества: социологии, локальной и городской истории, религиоведения, социальной истории, исторической демографии. Поэтому для изучения старообрядческого общества в процессе урбанизации сочетаются методологические подходы, применяемые в рамках перечисленных дисциплин. Их использование в исследовании подробно рассмотрено во введении и отдельном параграфе первой главы.

Положения, выносимые на защиту:

– Городские старообрядческие общины во второй половине XIX – начале XX вв. имели специфические черты, обусловленные интегрированностью ее светских лидеров и части прихожан в многообразное социокультурное пространство;

– Рост численности и изменение социального состава старообрядческих общин Екатеринбурга находился в тесной взаи-

мосвязи с активизацией миграционных процессов в пореформенное время и приводил к увеличению доли выходцев из крестьянского сословия в этой среде, поэтому состав старообрядческих общин был неоднороден и включал представителей этой деноминации с разной степенью адаптированности к городской социокультурной среде;

– Продолжительное существование в Екатеринбурге старообрядческих общин, в которых часть лидеров и рядовых прихожан была интегрирована в местный социум, способствовало адаптации вновь прибывающих в город, включению их в систему конфессионально-хозяйственных и семейных связей, в сферу социального контроля на уровне общины;

– Основными факторами, влияющими на активное положительное отношение старообрядцев к расширению гражданских прав в последней четверти XIX – начале XX вв., являются: во-первых, наличие опыта конструктивного внеконфессионального взаимодействия у влиятельного круга староверов города, поскольку именно они выступали от лица старообрядческого мира в качестве медиаторов во взаимодействии с властями; во-вторых, вовлеченность прихожан в урбанизационные процессы которая актуализировала интерес к ресурсам вертикальной мобильности (юридическому закреплению владельческих прав, образованию);

– Старообрядческая городская семья находилась в сфере влияния демографических процессов, характерных для населения большого провинциального города. Численность и семейный строй в городских условиях изменялись под заметным воздействием экономических и социальных факторов. Религиозные нормы и предписания могли замедлять трансформацию в семейном строе, но не исключали ее полностью;

– В городе старообрядческое сообщество, выступая в данном случае уже как компонента старообрядческого мира, выделялось сохранением действенной системы приходского самоуправления, высокой плотностью внешних и внутренних социальных связей, сохранением религиозной идентичности.

Научная новизна состоит, во-первых, в двухуровневом подходе к изучению социальных институтов – семьи и общины, взаимодействие которых является ключевым для понимания в какой степени консервативно ориентированная среда подвержена влиянию факторов урбанизации и какие новые качества в ней возникают при такой трансформации. Во-вторых, впервые уделяется внимание не столько вопросу о численности и действительном количестве староверов, сколько проблеме причин и темпов роста общин, изменению их сословно-социального состава, условиям, в которых происходила миграция в город. В-третьих, впервые на основе материалов учета населения изучаются историко-демографические характеристики старообрядческой семьи в городе и пригороде. Параллельно проведен аналогичный анализ по остальному населению города и результаты дают возможность поставить изучаемый предмет в контекст общегородских процессов. Анализ семейной структуры по классификации П. Ласлетта позволяет включить полученные данные в сравнительный ряд по другим населенным пунктам и регионам. В-четвертых, в научный оборот вводятся материалы старообрядческого съезда часовенного согласия в Екатеринбурге 1911 г. и двух екатеринбургских съездов всех согласий в 1917 г. с широким кругом дискуссий. Анализ хода и содержания дебатов данных собраний показывает не только наличие широкого спектра позиций внутри отдельных согласий, но и новые отличительные характеристики горожан-старообрядцев. Для этого, наряду с полемическими произведениями и материалами общественно-политических дискуссий старообрядцев, привлекаются материалы городского самоуправления, которые демонстрируют городские практики обсуждения и совместного решения проблем.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты проведенного анализа уточняют представления о процессе институционализации консервативного религиозного сообщества в условиях города. Итоги исследования способствуют пониманию условий, в которых принадлежность к старообрядческому приходу способствовала адаптации мигрантов-

старообрядцев в городе. Полученные результаты вносят вклад в понимание динамики и механизмов социального взаимодействия, роли религиозного фактора в формировании городской идентичности у религиозных меньшинств.

Полученные результаты исследования имеют практическое значение для создания рекомендаций по взаимодействию с герметичными конфессиональными сообществами, растущими в урбанизированном пространстве за счет миграционных потоков из местностей не городского типа. Разработанная в процессе работы программа изучения конкретного городского сообщества может быть моделью для аналогичных исследований по другим деноминациям. Положения и выводы диссертации могут использоваться при написании коллективных трудов, учебных пособий, создании общих и специальных лекционных курсов по истории религиозных обществ, российской урбанизации, социокультурной истории Урала.

Четыре базы данных, созданных для изучения городского старообрядчества Екатеринбурга, включены в состав электронного ресурса «Регистр населения Урала» (URaPP) URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project> На их основе проводятся генеалогические изыскания, планируются дальнейшие исследования по истории семьи, исторической демографии, истории медицины и социальной истории.

Научная значимость исследования. Новый фактический материал, проведенный на его основе анализ и выводы направлены на дальнейшее углубленное изучение проблем локальных сообществ в России в связи с важными аспектами развития институтов гражданского общества. Полученные результаты вносят важный вклад в понимание динамики и механизмов социального взаимодействия, роли религиозного фактора в формировании городской идентичности.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертационного исследования были представлены и обсуждены на 19 научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней, проходивших в 1997–2019 гг. в г. Екатеринбурге, Новосибирске, Ижевске, Москве,

Перми, Санкт-Петербурге (Россия), Минске (Беларусь), Валенсии (Испания), Белфасте (Великобритания), Чикаго (США), Ольштыне (Польша), Левене (Бельгия) в том числе, на конференции Общества европейских исследователей исторической демографии (ESHG, 2016), Конгрессе Ассоциации этнологов и антропологов России (2015, 2017), конференции по европейской социальной истории (ESSHC, 2018), конференции Ассоциации исследователей социальной истории (SSHA, 2016), конференции Ассоциации «История и компьютер» (АИК, 2016, 2018). Содержание исследования получило отражение в 48 научных публикациях автора общим объемом 27 п. л., трех разделах коллективных монографий и 15 статьях в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по соответствующей специальности, а также в высокорейтинговых журналах, индексируемых в международных системах Scopus и Web of Science, в том числе «History of the Family», «Transylvanian Review», «Przegląd Wschodnioeuropejski», «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», «Российская история». Созданные в процессе исследовательской работы на основе исторических источников – материалов учета населения 4 машиночитаемые базы данных прошли государственную регистрацию в качестве объектов интеллектуальной собственности, реферат к каждой БД размещен в открытом реестре Федерального института промышленной собственности и в научной электронной библиотеке Elibrary.ru.

Структура работы включает введение, четыре главы, состоящих из 15 параграфов, заключение, научно-справочный аппарат, 10 приложений. Материал излагается по проблемному принципу с учетом хронологии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении сформулирована актуальность исследования, определены объект и предмет, хронологические и территориаль-

ные рамки, цель и задачи работы, дана общая характеристика изученности темы, обозначена источниковая база, представлены методология и методы, раскрыта новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе диссертации «Историография и источники исследования» подробно рассмотрены работы, связанные с изучением старообрядческой общины и семьи в общенациональном и региональном (уральском) ракурсе, проанализирован круг источников и детально представлена методика исследования.

В первом параграфе «Историографический анализ проблематики» выделено пять основных этапов в изучении старообрядчества. Периодизация историографии связана с концептуальными изменениями в понимании старообрядчества как явления и предмета исследования.

Первый этап с 1850-х до середины 1870-х гг. связан с полемикальной и просветительской работой православных миссионеров, для эффективности которой необходимо было знать особенности учения и истории тех, кто был объектом назидания. Это определило становление «расколоведения», рассматривавшего изучаемое явление как комплекс заблуждений, требовавших аргументированного и логического опровержения. В этот период рассмотрение старообрядчества (в т. ч. уральского) становится самостоятельной темой на страницах синодальной периодики и в отдельных специальных работах. Архимандрит Палладий в своем «Обозрении Пермского раскола» (1863 г.) на основе отчетов священников, материалов Пермского секретного совещательного комитета по делам раскола считал Екатеринбург и Шарташ со скитами центром, откуда распространялись и поддерживались «заблуждения» среди населения остальных заводов Екатеринбургского уезда в XVIII – первой половине XIX в. В работах И. Ф. Нильского (1869, 1871) о заключении брака в старообрядческих общинах (в т. ч. городских) на основе архивных источников и опубликованных к тому времени (Варадинов, 1863; Кельсиев 1860–1863) «антираскольнических» законодательных актов подробно рассмотрены события и процессы, происходившие в

центре и на западе страны, уральский материал представлен только в главах по беспоповцам (поморцам, федосеевцам). Нильским были сделаны выводы о неудовлетворительных итогах «строгости властей» в царствование Николая I, а правительственная политика признана одним из факторов радикализации старообрядчества.

Для изучения городских общин содержательны наблюдения бывшего чиновника особых поручений в Нижегородской губернии П. И. Мельникова, опубликованные в виде «Исторических очерков поповщины», на страницах журнала «Русский вестник» в 1863–1867 гг. В главах, посвященных XIX столетию, им описаны перипетии и итоги неудавшегося диалога екатеринбургских попечителей (представлявших всех урало-сибирских беглопоповцев) с властями о возможности встраивания старообрядческой иерархии в систему административного управления гражданского ведомства.

Представители «миссионерского» направления обращались к источникам, созданным самими староверами. Цитировали и публиковали старообрядческие сочинения с разной степенью подготовленности архим. Палладий, И. Ф. Нильский, Н. И. Субботин, позднее П. С. Смирнов. Работы в рамках этого подхода не ограничивались указанными авторами и продолжались и в начале XX в.; но именно в 1860–1870-е гг., они способствовали эволюции отношения в обществе к старообрядчеству как самобытному и развивающемуся явлению, что вело к постепенному отказу от крайних и однозначных оценок, хотя авторы и не ставили перед собой такой задачи. В этот период отдельные исследователи начали пересматривать взгляды на староверие как на исключительно религиозное явление и связывали старообрядчество со стремлением сохранить основы общинного самоуправления (Щапов, 1862, отчасти круг сподвижников Герцена).

Второй этап историографии изучаемой темы (ориентировочно 1870-е – 1905 гг.) связан с периодом частичного признания старообрядческих семей и общин. Начало этого этапа связано с работами А. С. Пругавина, проявившего пристальное внимание к старообрядчеству как движению, связанному с народными тра-

дициями и религиозно-этическими исканиями. Благодаря его работам с конца 1870-х гг. формировалось не только общественное мнение о стесненном положении староверов, но и были сделаны первые шаги на пути к систематическому изучению их жизни как социального, культурного, этнографического явления. Пругавин работал с материалами архивов Пермского губернского правления, канцелярии губернатора и волостных правлений, в том числе с конфиденциальными и секретными документами, впоследствии включенными в работу «Уральское старообрядчество». В рамках этого же этапа был создан обширный исторический очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка о Екатеринбурге (1889), написанный для первого городского справочника. Очерк включал несколько глав о старообрядцах. Писатель использовал широкий круг источников, благодаря чему в очерке приводятся конкретные данные о численности, конфессиональном и этническом составе населения города, о роли старообрядцев в истории Екатеринбурга до середины XIX в.

Во второй половине XIX – начале XX вв. параллельно со светской и «миссионерской» историографией имелся и старообрядческий «взгляд»: в родословиях ряда согласий актуализировалась преемственность традиции от первых авторитетных учителей и обосновывалась правомочность учения отдельного направления или общества. Сведения о шарташских скитах, изложенные сначала в кратком виде на страницах газеты «Екатеринбургская неделя», вероятнее всего, местным единоверцем Н. С. Смородинцевым (1884), были дополнены неизвестным автором подробностями истории других скитов часовенных, близких к Екатеринбургу и напечатаны в начале XX в. в старообрядческом журнале «Церковь».

Третий этап обусловлен провозглашением веротерпимости и условно охватывает 1905–1917 гг., когда акценты исследований сместились на проблемы, связанные с реализацией провозглашенных норм, уточнением и расширением прав. Появляются публикации юристов и общественных деятелей, общее направление которых можно условно назвать «правовым». В трудах С. А. Мельгунова (1907), М. А. Рейснера (1905, 1912),

В. И. Ясевич-Бородаевской (1912) рассматривались актуальные проблемы осуществления веротерпимости и обсуждалось совершенствование религиозного законодательства. В старообрядческой публицистике также появляются размышления на эту тему (в Москве – Ф. Е. Мельников и его сподвижники, на Урале – А. Т. Кузнецов). Историк С. А. Мельгунов сделал один из первых обзоров общественно-политической активности старообрядцев, опираясь на материалы Всероссийского старообрядческого съезда белокриницкого согласия в Москве в 1905 г. Показав широкую вариативность интересов и практических действий, он впервые обозначил особую группу – «старообрядческую интеллигенцию», связывая её вовлечение в общественную жизнь с «обмирщением».

История старообрядчества в начале XX в. была объектом внимания сторонников марксистского направления. В тома «Истории России в XIX в.» бр. Гранат и «Истории России с древнейших времен» М. Н. Покровского вошли статьи Н. М. Никольского о старообрядческих течениях, природу которых в условиях города автор определял, исходя из стадийности развития капитализма. Он указал на действия провинциальных старообрядцев XIX в. по легализации своего общества, подчеркнул обособленность «уральской поповщины» под руководством екатеринбургского старообрядческого центра, связывая ее с экономической самостоятельностью региона. Социал-демократу В. Д. Бонч-Бруевичу принадлежит классификация старообрядческих согласий (1908), в основу которой положена степень «полезности» в деле освобождения масс от сковывающего влияния церкви. Конкретные материалы, связанные с уральской тематикой или городским старообрядчеством, в работах В. Д. Бонч-Бруевича представлены не были, но отмеченная им необходимость изучения старообрядчества как религиозной формы народного протеста оказалась, в свою очередь, полезной для возобновления изучения этого феномена в 1960–1970-х гг.

На этапе с конца 1920-х до середины 1960-х гг. доминирует политэкономическое измерение старообрядчества (Е. М. Ярославский, 1926). Немногочисленные общие работы

разделяли массы и руководство, городские капиталы, рабочих и крестьянство определяя их позиции классовыми интересами (Н. М. Никольский, 1930). На основании классового подхода и формационной теории история старообрядческих согласий представлена в более поздних трудах В. Д. Миловидова, Ю. В. Гагарина, Ю. М. Ивонина, В. Г. Карцова, А. Е. Катунского.

Этап с середины 1960-х гг. связан с усилением внимания к народной культуре. Благодаря полевым археографическим исследованиям, был введен в научный оборот неизвестный ранее пласт оригинальных старообрядческих сочинений. Это значительно расширило источниковую базу и позволило перейти к исследованиям общественного сознания, творчества староверов, эволюции их социальной организации в различных регионах России, в т. ч. на Урале. Расширение аспектов и подходов к исследованию старообрядчества как уникального феномена продолжается в настоящее время.

Этно-конфессиональный аспект истории населения Урала изучался Г. Н. Чагиным преимущественно на источниках, связанных с сельской местностью, где в большей степени сохранились элементы традиционной культуры и быта. Межэтническому и межконфессиональному взаимодействию, идентичности старообрядцев Пермского края на материалах устных опросов, описаний старообрядческого социума начала XX в. посвящены работы А. В. Черных. Исследование хозяйственно-экономического, матримониального, миссионерского взаимодействия старообрядцев с иноэтничным и иноконфессиональным окружением на территории Урало-Поволжья в XVII–XX вв., было проведено Е. С. Данилко на основе статистических, делопроизводственных источников, периодики и материалах полевых этнографических исследований. Взаимодействие старообрядцев, в том числе пермских часовенных, с представителями других конфессиональных групп в сельском социуме рассматривается в исследованиях А. Б. Островского на основе этнографических подходов и материалов. В работах Е. А. Агеевой, И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянкой,

Т. А. Кругловой, Н. А. Кобяк, Я. Н. Шапова, В. П. Пушкова исследуется книжно-рукописная традиция и история общин Верхокамья и западной части Пермской губернии. В работах Е. М. Юхименко, сборниках конференций, проводимых московским археографическим центром, содержатся результаты конкретно-исторических исследований по ряду городских центров разных согласий.

Существенный вклад в изучение общественного сознания урало-сибирского староверия XX в. внесли ученые новосибирского археографического центра. Актуальность для темы диссертации имеют работы Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой посвященные разработке концепции о сочетании традиций и новаций в старообрядческой культуре и духовной жизни, а также источниковедческому анализу обширного комплекса старообрядческих произведений. Труды авторитетных специалистов по истории урало-сибирского старообрядчества XVII – первой половины XIX вв. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова способствовали введению в научный оборот новых источников, идентификации конкретных носителей старообрядческой культуры и идеологии, определению социокультурных портретов видных деятелей староверия.

Старообрядчество Южного Урала и Зауралья, включая общины уездных центров – Кургана и Златоуста, детально представлено в исследованиях П. И. Мангилева, посвященных главным образом истории поморского согласия, преобладающего на этой территории. Появление и распространение «австрийцев» на Урале, неизвестные ранее данные об активных деятелях этого согласия 1850-х гг. – конца XX в., а также краткие, но показательные контакты руководства екатеринбургских часовенных с самозванным «беловодским» иерархом изложены в работах С. А. Белобородова. Им также выявлены центры беглопоповцев (часовенных) Среднего Урала, рассмотрены организационные особенности обществ, включая Екатеринбургское, деятельность попечителей, беглых священников и наставников. Истории старообрядческих общин Екатеринбурга и Шарташа на основе архивных материалов посвящены несколько работ

Н. С. Корепанова. Связи уральских и сибирских «австрийцев» выявлены Н. А. Старухиным. Тенденции изменения сословного состава уральских городских общин во второй половине XIX в., позиции светских лидеров часовенного согласия и начетчиков по наиболее важным для старообрядцев вопросам в начале XX в. (регистрация общин, участие в партиях) изучались Ю. В. Клюкиной.

Одним из направлений исследования феномена старообрядческой культуры являются работы, посвященные вопросу о религиозных основаниях старообрядческого предпринимательства, формировании особой системы хозяйствования под влиянием комплекса этических, правовых, политических, институциональных факторов. Потенциал и ограничения внутрикорпоративных связей рассматривались В. В. Керовым, А. В. Стадниковым, Д. Е. Расковым, А. В. Старцевым на материалах европейской части Российской империи. Результаты их исследований показывают, что выдающаяся экономическая активность старOVERия связана не только с положением преследуемой группы, на что уже обращалось внимание А. Леруа-Болье, А. Гершенкрона, Р. Крамми, Д. Л. Уэста, но и с формированием у его приверженцев мировоззрения, включавшего нормы религиозного рационализма и ценность репутации на уровне личных, семейных и корпоративных связей. Исследования В. П. Микитюка, посвященные истории екатеринбургских купеческих семейств выявили ведущую роль старообрядцев в торгово-промышленной жизни города, родственные связи, судьбы деловых начинаний, а также коллизии отношений к светскому образованию в купеческой среде. Общественно-политические инициативы городских старообрядцев, имевшие корреляцию с их экономической активностью и связями, был объектом изучения в работах В. И. Байдина, О. Ю. Редькиной, В. В. Керова, А. В. Пыжикова. Анализ политических предпочтений различных социальных слоев в наиболее активных старообрядческих согласиях показал весьма многообразную картину взаимоотношений элиты старообрядчества и низовых деятелей.

Численность, структура и особенности строя старообряд-

ческой семьи как своеобразной части локального социума горнозаводского Урала рассматривались В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук (1971). О сохранении патриархального уклада в старообрядческих семьях городов Сибири второй половины XIX – начале XX вв. сделан вывод Ю. А. Гончаровым на основе данных ревизий и метрических книг. Трансформация семьи у разных сословно-социальных групп российского города и роли религиозных норм на формирование семейно-брачной системы ценностей в начале XX в. изучена Н. А. Араловец, которая отметила устойчивое уменьшение замкнутости брачного выбора и иерархичности в семейных отношениях, автономизацию семьи в рамках общества, в том числе у старообрядцев.

Рассмотрение конфессиональной жизни горожан в рамках изучения истории повседневности позволило говорить о старообрядческой семье как специфическом явлении – с долгим сохранением неразделенности и совместного проживания уже женатых детей с родителями, большой ролью семейственности в торгово-промышленных делах (Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова).

Вклад в уточнение представлений о семье как адапционном институте внесли антропологически ориентированные исследования на примере различных региональных старообрядческих групп, в основном сельской местности, в которых широко используются материалы интервью и визуальные источники (Е. Ф. Фурсова, А. П. Веселова, С. М. Климова, Л. В. Хирьянова, Н. В. Куприянова, Ю. В. Аргудяева, А. А. Виноградов).

Из проведенного анализа историографии следует, что старообрядчество города не выделялось как предмет изучения, хотя во многих исследованиях указывается на различия между сельскими и городскими общинами, связанные с большей открытостью и активным разнонаправленным социальным взаимодействием.

Во втором параграфе «**Источниковая база**» характеризуется состав и особенности письменных источников, привлеченных к исследованию. Основу исследования составляют письменные источники: документальные и нарративные. Классифи-

кация письменных источников по видам и разновидностям произведена по принципу наличия устойчивых общих признаков формы и содержания, обусловленных общностью их социальных функций.

К документальным источникам относятся, во-первых, законодательные акты, изданные органами государственной власти (рассматриваются по Полному собранию законов Российской империи – собр. 2-е и 3-е; Собранию постановлений по части раскола, 1875) для регламентации положения старообрядческих лиц и общин, а также взаимодействия представителей властей с ними. Кроме того, к этому виду имеют отношение такие нормативно-правовые документы как постановления старообрядческих соборов, регулировавшие внутреннюю жизнь общин. К исследованию привлекались материалы Екатеринбургских соборов 1873, 1884 и 1887 г., рассматривавших вопросы о священстве и нескольких соборов в сопредельной горнозаводской территории: Веселогорского 1872 г., Невьянского ок. 1873 г. Пермского 1888 г. (из неопубликованной части собрания Тагильского скита из отдела рукописей БРАН и изданного сектором археологии Института истории СО РАН корпуса соборных постановлений в серии «Духовная литература староверов востока России»). Большинство проблем, обсуждаемых на соборах было поставлено екатеринбургским обществом, и оно принимало в собраниях участие. Сведения о соборах вне Екатеринбурга необходимы для понимания контекста в котором городское общество вырабатывало и предлагало те или иные решения. С нормативно-правовыми источниками соотносятся постановления съездов и собраний старообрядческих обществ, которые отличались от соборов присутствием широкого круга лиц как из мирян, так и из духовенства или наставников. В работе использовалась документация как всероссийских, так и местных соборов и съездов, а при отсутствии таковой привлекались рассказы участников или присутствовавших на собрании. Обе разновидности источников позволяют представить эволюцию вопросов, наиболее актуальных для городских староверов и связанных с ними обществ в рассматриваемый период.

Во-вторых, среди документальных источников выделяется делопроизводственная внутриведомственная документация которая включает в себя материалы центральных и местных учреждений: департаментов и подразделений МВД, Синода, канцелярии губернаторов, губернских правлений, судов, духовных консисторий и правлений, епархиальных миссионеров из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации (материалы полицейского наблюдения за деятелями старообрядчества из фонда особого отдела Департамента полиции МВД), Государственного архива Пермской области, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива административных органов Свердловской области. Привлекалась также входящая и исходящая документация из фонда Рогожского кладбища в отделе рукописей РГБ, связанная с решением внутренних вопросов уральскими «австрийцами».

В исследовании использовались статистические материалы: агрегированные данные двух городских переписей 1873 и 1887 гг., Первой всероссийской переписи 1897 г., поскольку в них выделены количественные параметры старообрядческого населения Екатеринбурга. В дополнение к ним привлекались материалы, собранные с помощью других приемов учета (духовным и полицейским ведомствами). Поскольку первичные материалы не сохранились, анализ проводился на основе опубликованных сведений – по справочнику «Город Екатеринбург» (1889), подготовленного при участии городского головы И. И. Симанова, изданиям Центрального статистического комитета МВД и публикациям Пермского статистического комитета.

К исследованию привлекались данные массовых источников (ревизские сказки 1857–1858 гг., записи полиции об учете рождений и смертей старообрядцев в середине XIX в., посемейные списки последней четверти XIX в., метрические книги старообрядческих общин начала XX в.). На основе посемейных списков и метрик был создан вторичный источник – базы данных, позволяющие анализировать не только количественные параметры, но и качественные характеристики, связанные измене-

ниями структуры семьи, брачности и смертности.

Нарративные включают в себя старообрядческие полемические сочинения, исторические описания, послания, переписку, мемуары, дневники, памятные записи, публицистика, материалы периодической печати. Состав источниковой базы является разноплановым, содержащим достаточный объем данных по теме исследования и удовлетворительный для раскрытия темы диссертации.

Третий параграф «Методика исследования» дает представление о совокупности специальных методов, использованных в процессе исследовательской работы. Была разработана программа работы по трем направлениям. Во-первых, производилось наблюдение за количественными и качественными изменениями численности и состава старообрядческого городского социума; во-вторых, был проведен анализ коммуникативных и организационных способов социального взаимодействия и идентификации его участников; в-третьих, изучались аспекты, характеризующие включенность объекта исследования в общегородские процессы модернизации. В фокусе находились, прежде всего, модифицируемые качества и решалась проблема их сопоставимости.

Историко-генетический метод позволил определить роль внутренних и внешних факторов развития старообрядческого сообщества города, закономерностей изменения его сословно-социального состава, спектра занятий и направлений деятельности. С помощью историко-динамического анализа были выявлены этапы формирования старообрядческого сообщества. Роль конфессионального фактора в выборе места жительства в границах городского пространства исследовалась с помощью картографического анализа и связывания номинативных данных из материалов учета населения и событий жизненного цикла. При изучении динамики численности староверов Екатеринбурга применялся статистический анализ внутригородских переписей и материалов учета населения.

Для систематизации и последующего изучения содержащихся в источниках данных использовались несколько методов.

Первичная статистика на уровне города частично формализовалась, суммировалась и сводилась в таблицы, демонстрирующие абсолютные и относительные показатели совокупности старообрядцев на фоне общей численности населения. Методом группировки были выстроены данные по сословному признаку, миграционному статусу, возрастам, полам и брачному состоянию, т. е. неколичественным признакам. Анализ семейной структуры и размеров семей производился путем сложной группировки по признакам религиозной и сословной принадлежности. Результаты использования всех статистических методов визуализированы в тексте диссертации в виде таблиц и графиков, общий список которых приводится после источников и литературы.

Сравнительный метод применялся при изучении старообрядческих общественных дискуссий. В результате сопоставления тактических действий и аргументации участников были выделены особенности позиции городских лидеров.

Рассмотрение семейного состояния старообрядцев по материалам 10-й ревизии и посемейным спискам произведено на основе классификации, разработанной Кембриджской группой истории населения и социальной структуры, что позволило формализовать данные и сделать их сравнимыми с данными по другим группам и регионам.

Метод контент-анализа номинативного раздела метрических книг начала XX в. использовался для изучения вопроса о распространенности личных имен в старообрядческих общинах и семьях.

Выбор конкретных методов исследования определялся необходимостью получить представление о двух взаимосвязанных параметрах: во-первых, о степени и направленности внешних воздействий (городских условий) на изучаемый объект, во-вторых, о тенденциях во внутренней динамике самого объекта.

Во второй главе «Старообрядческое общество Екатеринбурга: конфессиональная история и институты» рассматривается история старообрядцев Екатеринбурга, круг вопросов,

активно обсуждаемых им в рассматриваемый период. Глава состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Этапы формирования городских общин старообрядцев» содержит результаты историко-динамического анализа развития институтов старообрядческого сообщества Екатеринбурга, начиная с основания города. В итоге выделено четыре основных периода:

1 этап: становление старообрядческого общества (1723 – 1780-е гг.). За несколько первых десятилетий пребывания старообрядцев в Екатеринбурге их численность выросла до трети населения города. Почти все они принадлежали к беглопоповскому течению, не имели разрешения на устройство общественных молитвенных помещений и, предположительно, ограничивались домашними молельнями и имевшимися в соседнем селе Шарташ.

2 этап: оформление приходской общины (1780-е – середина 1830-х гг.). Итогом этого периода стало выдвижение попечителей екатеринбургских общин в качестве старообрядческих старшин горнозаводского Урала и Сибири, представлявших всё сообщество беглопоповцев этой обширной территории перед гражданскими властями, а также занятие ими ведущих позиций в городском самоуправлении, активное храмостроительство (особенно до 1826 г.) и создание системы обеспечения беглым священством. Их лидерские позиции поддерживались взаимодополняющимися семейными и деловыми связями.

3 этап: утрата правового статуса и священства (конец 1830-х – середина 1850-х гг.). К основным изменениям этапа следует отнести возникновение и решение институциональных и нормативно-правовых проблем, к которым относится переход части попечителей в единоверие, полулегальное положение религиозной общины, утрата священства и неудовлетворительное вынужденное беспоповское состояние, неопределенность с подтверждением семейно-брачных отношений и прав наследования.

4 этап: возвращение прав конфессионального сообщества (конец 1850-х – 1917 гг.). В этот период небольшая часть городских часовенных приняло белокриницкую иерархию, число по-

следователей которой постепенно росло. Т. о. первоначально принадлежавшее к беглопоповскому течению старообрядчество Екатеринбурга за два века претерпело изменения и в рассматриваемый период распределилось между тремя направлениями: часовенным согласием, белокриницкой иерархией и единоверцами под эгидой синодального епископата.

Во втором параграфе «Полемика об иерархии» анализируются основные направления религиозных дискуссий о возможности восстановления священства, которые были инициированы екатеринбургским обществом на фоне распространения белокриницкой иерархии.

В спорах урало-сибирских старообрядцев о «правильной» иерархии переосмысление эсхатологической составляющей христианского учения особенно активно шло в ранний период (при разделении на поповское и беспоповское направление), а также спустя два века, в последней четверти XIX в., когда активизировалось белокриницкое согласие, адепты которого продолжили и усилили призывы к бывшим уральским беглопоповцам (часовенным) признать неправомотность отказа от священства. В результате ответного полемического творчества духовных лидеров часовенного согласия для защиты бессвященнического состояния появился целый ряд сочинений, развивающих тему «последнего» времени, главным признаком которого представлялось исчезновение «истинной» иерархии – «Послание» и «Ответы» уральского черноризца Нифонта, «Цветник» казака И. Канбулина, «Рассуждение о временах века сего» неизвестного автора. Часто этот вопрос становился своеобразным «водоразделом» между группировками внутри часовенного согласия по-разному представлявших распределение руководящих ролей в общинах. Рассмотренная в главе аргументация перечисленных сочинений является выражением позиции наставников-мирян и скитников, оппонировавших умеренному направлению, прежде всего городскому, ориентированному на институт священства.

Третий параграф «Интеграция старообрядческих общин в религиозно-правовую систему Российской империи» включает изучение организации первого в истории часовенного

согласия всероссийского съезда, который прошел под эгидой екатеринбургского общества. Процесс подготовки, проведения и итоги I Всероссийского съезда показали разнородность старообрядческой среды с присутствием как минимум трех вариантов понимания принципов взаимодействия общины с внешним миром. Первый вариант предполагал консервативную стратегию, с полной автономией от властей в делах религиозной общины, сохранения собора старейшин «единомысленных» общин в противовес Братству, строящемуся из «знатоков св. Писания» под контролем городских лидеров. Консервативно были настроены члены крестьянских, и частично заводских обществ, а на Алтае в их число входило и старшее поколение городских часовенных.

Второй вариант, умеренный, включал признание необходимости устройства профессиональных школ вместо обучения у «мастериц», согласие на участие в старообрядческом Братстве, но был осторожен в отношении регистрации общин губернской администрацией). Он также выражался частью крестьянских и заводских делегатов от общин, чьи интересы были ориентированы на городские сообщества.

Третий вариант, лояльный по отношению к нововведениям (принятие регистрации, ведения метрических книг, учреждение совета общины, активное участие в созыве съезда, создании братства, печатного органа и т. п.) – прежде всего, ему были привержены городские часовенные (уральские из Екатеринбурга и Челябинска, частично алтайские из Барнаула и Бийска) и связанные с ними общины. Новые возможности, полученные после провозглашения веротерпимости, способствовали укреплению влияния светских лидеров-мирян, которые имели достаточно опыта отношений с административными инстанциями губернского уровня и не видели препятствий для повседневных контактов в поликультурном городском окружении.

Следовательно, основной круг причин столь различного отношения к «открытости», допустимому взаимодействию с властями следует рассматривать с учетом процессов социокультурной дифференциации.

В четвертом параграфе «От религиозной полемики к политическим инициативам и союзам» представлены результаты исследования общественных, организационных и политических дискуссий, инициированных старообрядческим городским сообществом. Определен круг наиболее активных деятелей: полемисты В. Усов (белокрыницкое согласие), А. Кузнецов (часовенные), члены семей попечителей, светских руководителей и служителей храмов (Малиновцев, Щербаков, Мокрушин, Крохин, Черных и др.). Издание старообрядческого журнала в «Уральский старообрядец», организация Успенского братства часовенных, проведение в Екатеринбурге нескольких старообрядческих съездов с политической повесткой, кооперация представителей белокрыницкого и часовенного согласий для участия в выборах делегатов Учредительного собрания свидетельствовали о стремлении лидеров городских общин участвовать в общественно-политических процессах в качестве представителей своего религиозного направления.

В параграфе представлены основания для вывода о спектре актуальных внутриконтрессиональных проблем, имевших прямую зависимость от интересов светских городских лидеров старообрядцев и направленных на упрочение позиций своего общества в качестве легально признанной развивающейся религиозной институции (восстановление священнической иерархии, создание общественных организаций братского типа, издательская деятельность). Выявлена зависимость политических предпочтений от факторов, связанных с включенностью в разнотипные социокультурные пространства и взаимодействия. Анализ приемов ведения съездов и организации старообрядческих дискуссий с участием горожан показал, что, стремясь добиться одобрения своих планов по религиозным и общественно-политическим вопросам, светские лидеры городских общин приносили в порядок выработки решений свой разнообразный опыт согласования интересов в органах сословного представительства.

В третьей главе «Старообрядческое население Екатеринбурга: численность, сословный состав, занятия» выявлены изменения численности и сословно-социального состава, ре-

конструирован круг занятий и торгово-производственных связей с учетом миграционной составляющей.

В параграфе «Изменение численности старообрядческого сообщества» показана динамика роста старообрядческого населения Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX вв., свидетельствующая о том, что город был из крупнейших городских старообрядческих центров всего Урала. Источником пополнения старообрядческого населения города, помимо естественного прироста, была внутрорегиональная и межрегиональная миграция. Поток переселенцев из Подмосковья «питал», прежде всего, общину «австрийцев», в то время как приходящие с уральских заводов и из Вятской губернии становились прихожанами двух городских часовень.

Параграф «Социальный состав и половозрастная структура» посвящен изменениям в социальном составе старообрядческих общин города, среднему размеру семьи купцов, мещан, ремесленников, соотношению полов в различных возрастных группах.

Анализ материалов 10-й ревизии показал, что члены старообрядческо-единоверческих семей составляли в середине XIX в. заметную часть во всех сословных группах, приписанных к Екатеринбургу (20% среди цеховых ремесленников, 30% у купечества, 40% у мещан). При этом исключительно старообрядческие семьи у цеховых составляли всего 3%, у купечества 10%, у мещан 16%, что является своеобразным итогом периода «антираскольнического» курса в царствование Николая I. Поскольку изучение полемики о священстве выявило сохранявшуюся в 1870–1910-х гг. заинтересованность большинства городских светских лидеров старообрядческих обществ в церковной иерархии и легализации своего семейного состояния, можно с высокой долей уверенности экстраполировать эти настроения и на более ранний период – середину XIX в. Это было одной из причин принятия единоверия в это время (в большинстве случаев вынужденного и формального), что значительно увеличило долю единоверческо-старообрядческих семей среди всех сословий.

В делах старообрядческого прихода преемственность попечительских функций купеческого сословия, несмотря на смену его состава, обеспечивалась поддержанием и постоянным установлением новых внутриконтфессиональных семейных и деловых связей, а также своеобразием екатеринбургского варианта единоверия, в котором долгое время сохранялись организационные основы старообрядческой организации.

Половозрастная пирамида у горожан-старообрядцев и торгующих крестьян-старообрядцев екатеринбургского пригорода в последней четверти XX в. имела незначительное преобладание женского населения.

В третьем параграфе «Занятия и развитие системы хозяйственных связей» рассматриваются сферы деятельности старообрядцев города и пригорода. Немногочисленные купцы, значительная часть мещан и находившихся в городе крестьян участвовали в торговле и производствах по гильдейским свидетельствам. Остальные вели те же дела, но в меньшем масштабе и с небольшим товарооборотом. Можно утверждать, что социальный состав старообрядческих общин Екатеринбурга изменялся под влиянием общегородских тенденций: вместо принадлежности к определенному сословию, ведущую роль начала играть профессиональная стратификация.

После снятия ограничения для старообрядцев на занятие общественных должностей, выходцы из часовенного и белокрыницкого согласия совместно с единоверцами и православными участвовали в местном самоуправлении. Следовательно, старообрядцы, имевшие приписку к городским сословиям и проживавшие в городе, как и в первой четверти XIX в., были включены не только в религиозную общину, но и в органы сословного представительства и взаимодействовали с широким кругом лиц. Их приемы общения и манера поведения, нормы и ценности испытывали влияние общегородских тенденций развития. Усложнялась идентичность старообрядцев, вовлеченных в многомерное социальное взаимодействие. Конфессиональная составляющая продолжала играть ведущую роль, но при этом сочеталась с

профессиональным, сословным, групповым аспектом социальной идентичности.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. по мере упрощения правового положения старообрядческой общины, принадлежность к приходу любого из согласий являлась инструментом (социальным лифтом) включения в городское экономическое и социокультурное пространство.

В четвертой главе «**Старообрядческая семья в городских условиях**» рассматриваются правовой статус семьи и брака старообрядцев с точки зрения законов империи, структура их семей, отношение к выбору имени при крещении и медицинским институтам, влиявшим на снижение детской смертности.

В первом параграфе «Проблемы легальности брака и семьи старообрядцев» рассмотрены изменения, происходящие с уровнем брачности в старообрядческих обществах города в условиях постепенного снижения репрессивного прессинга и правовых ограничений. Анализ данных ревизского и полицейского учета 1850-х г. показал, что они имеют ограничения для выводов о семейном состоянии городских старообрядцев среднего возраста и дают искаженное представление о преобладании у них безбрачных тенденций. Последнее обстоятельство вызвано длительным предшествующим правительственным курсом борьбы с «расколом», значительно ограничившим права староверов, в том числе в заключении легальных браков, и поставившим рожденных в «сводных» браках детей вне закона. Анализ посемейных списков 1874 г., составленный на основе ревизий в более лояльный к староверию период, а также истории городских старообрядческих семей не подтверждают «безбрачную» тенденцию и показывают, что отношение к браку у старообрядцев Екатеринбурга, как часовенных, так и «австрийцев» не имеет значительных отличий по сравнению с православным населением.

Вариант присоединения к единоверию или православию для легализации семейного состояния утрачивал привлекательность по мере упрочения правового положения старообрядцев.

Преодоление нестабильности «сводного» брака было наиболее актуально для купечества и торгово-промышленных слоев мещанства. Первоочередное значение для признания законности брака самими старообрядцами города в начале XX в. по-прежнему имела конфессиональная гомогенность супружеской четы.

Во втором параграфе «Типология старообрядческих семей» прослежены брачные коллизии, проанализирован тип, состав и размер старообрядческих семей Екатеринбурга, что позволило установить существенную степень их подверженности влиянию урбанистических тенденций. Численность старообрядческой семьи в городе и пригороде в середине – второй половине XIX в. не была высокой, её размеры соответствовали средней общегородской семье середины столетия, состоящей из 5 человек.

Отличия семьи екатеринбургского пригорода заключались в большей доле сложных по составу семей, хотя они уже не являлись доминирующим типом. Одним из факторов, определяющих необходимость значительного семейного коллектива, была ремесленная сфера деятельности, с заинтересованностью в снижении производственных и торговых издержек за счет родственных связей. Именно этот фактор актуализировал старообрядческую приверженность к патриархальному типу семейной организации как в городе, так и за его пределами.

Основным трендом в изменении структуры семей староверов города и пригорода во второй половине XIX в. было увеличение доли простых семей, т. е. то же направление, что и у городской семьи в целом.

В третьем параграфе «Между традицией и городской модой: личные имена в старообрядческих семьях в начале XX в.» вывод о подверженности семей старообрядцев влиянию общегородских культурных процессов подкрепляется результатами анализа данных об имянаречении из метрических книг всех городских общин Екатеринбурга, начиная с 1907 г. – первого года их ведения на основе Указа 17 октября 1906 г.; всего в исследование включено почти 1 тыс. случаев.

Вся совокупность имен распределена по 4 группам, а зависимости от частоты употребления: 10 самых распространенных, частые, редкие, разовые имена. Доля первых самых распространенных десяти имен почти не отличалась по полам: их носили 49.8% мальчиков и 45.4% девочек.

Выявлено, что подавляющая часть имен, которые старообрядцы Екатеринбургa давали своим детям, встречалась в других регионах. Особенно близким по сочетанию самых популярных мужских имен были именники центральных областей страны и Дона, где старообрядцев было немало.

Среди форм одного имени были выделены просторечные и канонически принятые варианты. Наблюдения за разночтениями указывают на то, что к началу XX века у части собственных имен (*Алексий, Димитрий, Елизавета, Антонина*) разговорные формы уже были настолько привычными, что становились в один ряд с каноническими и могли их заменять в метрических записях. В то же время относительно других имен этот процесс не начинался: *Сергий* вписывалось исключительной в этом варианте, без каких-либо подозрений на разночтения или ошибки. То же самое можно сказать об именах *Феодор, Никола, Стефан*.

Анализ данных метрических записей показал, что определение имени в данный период в уральском городе не имело особого порядка: треть имен выбиралась из тех дней памяти святых, что предшествовали дню рождения, 40% приходилось на период между появлением на свет и крещением, и 24% имен давались в честь имен, поминаемых после крещения. Самыми востребованными пятью именами у старообрядцев Екатеринбургa и окрестных селений в начале XX в. были мужские *Иоанн, Александр, Никола, Михаил, Георгий* и женские *Мария, Анна, Нина, Клавдия, Зоя*. Итоги анализа распространенности каждого из всех имен рассмотренной совокупности приводятся в отдельном приложении.

Характерными исключительно для старообрядцев было совсем немного имен из разряда редких и разовых. В начале XX в. уже почти половина новорожденных обоого пола получала распространенные имена, но в большей степени к ним обращались при наречении мальчиков, которым предстояло более активное

взаимодействие с социумом, и родители при выборе имени, соблюдая в определенной мере внутриконфессиональные традиции, принимали во внимание и общие для городского населения предпочтения.

В четвертом параграфе «**Детская смертность в старообрядческом сообществе по материалам метрических книг**» анализируется уровень и причины убыли младших возрастов, с выделением младенческой смертности, поскольку потери именно в этом возрасте являлись основной составляющей общей смертности. В ходе исследования была проверена полнота используемого источника, предложен метод компенсации возможного недоучета и обнаруженных лакун в записях о родившихся. В итоге признано, что более точными значениями детской смертности у старообрядцев города являются 260‰ (для возраста от 0 до 16 лет) в довоенное время и 370 – в годы войны. За весь период 1907–1917 гг. смертность младенцев и детей приближалась к 300 промилле (младенческая смертность при этом была ниже), в отличие от православного населения, терявшего только в возрасте до 1 года в мирное время 347–353 чел. из каждой тысячи родившихся.

Следовательно, отличительной чертой екатеринбургских семей старообрядцев, несмотря на то что среди них было много выходцев из крестьянского сословия, является заметно более низкий уровень младенческой и детской смертности, по сравнению с православными приходами.

В Заключении сформулированы основные выводы.

В результате проведенного исследования удалось выявить основные тенденции развития и специфические проявления социокультурных и демографических процессов в старообрядческом сообществе в условиях начальной стадии урбанизации.

Два основных территориальных кластера в городском пространстве, где с XVIII в. предпочитали селиться старoverы, располагались в центральной торговой части Екатеринбурга и на южной окраине удобной для заведения промыслов. Однако, во второй половине XIX – начале XX вв. эти два района лишь условно оставались «старообрядческими» – места проживания

староверов уже не были связаны только с исторически сложившимися кластерами, хотя притяжение к ним сохранялось. Мигранты, прибывавшие в город в послереформенное время, предпочитали селиться среди своих одноверцев и вблизи храма, который посещали. Семьи, достигшие определенного уровня состоятельности, выбирали место проживания в соответствии с социальным и имущественным статусом, при этом конфессиональная принадлежность окружения была вторичным фактором. Таким образом, пространственная локализация старообрядческого населения города отражала процесс постепенной и постоянной его интеграции в общегородскую среду.

Социальный состав городских старообрядческих общин включал значительную часть пришедших в город крестьян. Старообрядцы переселялись в город с уральских заводов, из центральной России, преимущественно уездов восточного Подмосковья, Вятской и Нижегородской губерний. На постепенное уменьшение числа представителей купечества в составе городской общины оказали влияние законодательные изменения первой половины 1860-х гг., разрешившие занятие торгово-промышленной деятельностью на основе выкупа свидетельств без записи в гильдии. К началу XX вв. старообрядческие общества уральских городов включали немного купеческих фамилий. Гораздо больше в их среде было мещан, в том числе горожан в первом поколении или выбывших из купеческого сословия.

Существенным обстоятельством являлась включенность старообрядческих лидеров в работу органов городского самоуправления. Эта тенденция оформилась в конце XVIII – первой половине XIX в. и видоизменилась, но не исчезла позднее. Во второй половине XIX в. основные попечители в общинах староверов, не занимая главенствующих позиций в городской думе, тем не менее участвовали в ее работе в качестве гласных. В их компетенцию входило не только внутриконтрессиональное предпринимательство и попечительство, но и взаимодействие с широким кругом лиц, принадлежавших к разным религиозным направлениям, профессиональным и социальным слоям, имевшим иной уровень образования. Вследствие этого идентичность

светских лидеров старообрядческих общин города становилась более сложной, формировалась с учетом не только религиозной принадлежности, но и интегративной практики сословного представительства в рамках городской среды. Они получали опыт широкого взаимодействия и усваивали новые приемы обсуждения и продвижения решений, которые затем применяли для достижения необходимых им результатов на старообрядческих соборах и съездах. Именно эти деятели и близкие к ним круги городских старообрядцев проявляли максимальную заинтересованность в получении общинами легально признанного правового статуса, а также стремились к достижению более высокого институционального и образовательного уровней, практикуемых в той социальной группе, куда они входили.

Происходившая во второй половине XIX – начале XX вв. либерализация законодательства в отношении староверов, при всей её ограниченности, была очень важна для горожан-старообрядцев, поскольку вела к признанию их религиозных общин и включению старообрядческой семьи в правовое поле. Общины Екатеринбургa выделялись среди всех старообрядцев региона ярко выраженным стремлением использовать полученные права и готовностью при этом соблюдать формальные правила взаимодействия с властями. Они проявляли заинтересованность в утверждении официального статуса своих общин и духовных лиц, создании новых внутриконфессиональных институтов, использовании права самостоятельного учета событий жизненного цикла, отстаивая свою точку зрения в религиозных и политических дискуссиях с представителями не городских обществ.

Изучение демографических характеристик показало, что городские старообрядцы находились под влиянием процессов начала первого демографического перехода: снижался уровень смертности, в том числе младенческой, повышался возраст вступления в брак, изменение среднего размера и структуры семьи происходило в том направлении, что и у остального православного населения. Нуклеарная (простая) семья становилась преобладающим типом у купцов и мещан из старообрядческой

среды. Примерно половина всех старообрядцев-купцов и до четверти старообрядцев-мещан в середине XIX в. проживали в таких семьях. Присутствие мультифокальных семей (18%), состоявших из нескольких супружеских пар и объединявших около половины приписанных к городу последователей старого обряда, уже в конце 1850-х гг. не являлось однозначным показателем реального существования масштабных семейных коллективов.

Заинтересованность в сохранении большой семьи проявлялась чаще у связанных с цеховым ремеслом и некоторыми видами промыслов, где имело смысл обеспечение производственного цикла силами большого коллектива родственников. Еще одна специфическая черта старообрядческого сообщества города была связана с требованием религиозной гомогенности супружеской четы, необходимой для признания законности брака внутри общины, что прослеживается в вплоть до конца исследуемого периода. Изучение практик имянаречения в среде старообрядцев Екатеринбурга в начале XX в. обнаружило влияние общероссийских тенденций (постепенное увеличение доли нескольких самых распространенных имен), при сохранении своеобразия – большого массива редких антропонимов.

Семьи и общины старообрядцев в условиях уральского города второй половины XIX – начале XX вв. являлись проводниками религиозной идентичности, чему способствовала постоянно обновляемая прочная система деловых, родственных и профессиональных связей. При этом старообрядцы городского сообщества, являясь частью многообразного социума, вне зависимости от согласия испытывали влияние урбанистических тенденций. Это придавало им специфические по сравнению с не городскими общинами свойства и ресурсы: расширение аспектов самоидентичности, повышенная адаптивность к изменениям, способность к гибкому поведению и взаимодействию, что в итоге обеспечивало городским старообрядческим обществам лидирующие позиции в своих согласиях.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. Боровик, Ю. В. Старообрядческие общества Урала в 1917–1921 гг. / Ю. В. Боровик // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – С. 101–116 (0,8 п. л.).

2. Боровик, Ю. В. Соборные собрания старообрядцев Урала и Зауралья в первое десятилетие советской власти / Ю. В. Боровик // Уральский исторический вестник. – 2007. – № 17. – С. 40–46 (0,5 п. л.).

3. Клюкина-Боровик, Ю. В. О закрытии скита старообрядцев-часовенных (по фотоматериалам следственного дела 1940 г.) / Ю. В. Клюкина-Боровик // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. – 2012. – № 1 (39). – С. 100–103. (0,4 п. л.).

4. Боровик, Ю. В. Послание зауральского наставника старообрядцев-часовенных о временах, нравах и покаянии в конце 1920-х гг. / Ю. В. Боровик // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (136). – С. 44–51 (0,6 п. л.).

5. Клюкина-Боровик, Ю. В. «Стих о последнем времени» и религиозные традиции старообрядцев-часовенных в 1930 г. [The verses about the Latter Days» and religious traditions of the Old believers «chasovennye» in 1930] / Ю. В. Клюкина-Боровик // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2016. – Vol. VII. – № 2. – С. 39–52. URL: <http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html> (0,7 п. л.) (Scopus).

6. Borovik, Iu. Death and Marriage: World War I Catholic Prisoners in the Urals / E. Glavatskaya, Iu. Borovik // Transylvanian Review. – 2016. – Vol. 25. – № 4. – P. 28–40 (0,6/0,3 п. л.) (Web of Science, Scopus).

7. Borovik, Iu. Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX вв. в материалах переписей и метрических книг / Е. М. Главацкая, Ю. В. Боровик, А. В. Бобицкий // Известия Уральского федерального

университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 68–84. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.3.044 (0,9/0,3 п. л.) (Web of Science).

8. Боровик, Ю. В. Старообрядцы-часовенные Екатеринбурга: численность, сословная принадлежность и проявление конфессиональной обособленности / Ю. В. Боровик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2018. – Т. 20. – № 1 (172). – С. 160–180. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.1.013 (1,3 п. л.) (Web of Science).

9. Borovik, Iu. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia / E. Glavatskaya, Iu. Borovik, G.Thorvaldsen // The History of the Family. – 2018. – Vol. 23. – Issue 1. DOI: 10.1080/1081602X.2017.1341845 (1,5/0,5 п. л.) (Web of Science).

10. Боровик, Ю. «Времена, они меняются»: дискуссии уральских старообрядцев о прошлом и будущем в контексте поисков «истинного» священства в конце XIX в. / Ю. В. Боровик // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 253–274. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-1-253-274 (1,2 п. л.) (Scopus).

11. Borovik, Iu. The Old Believers and their marriage in the early twentieth century Urals, Russia: a microdata analysis / E. Glavatskaya, Iu. Borovik // Transylvanian Review. – 2019. – № 1 – P. 112–130 (1/0,5 п. л.) (Web of Science, Scopus).

12. Боровик, Ю. В. Сибирские староверы: вне государственной поддержки и опеки / Ю. В. Боровик // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 221–224. DOI: 10.31857/S086956870004239-3 (0,4 п. л.) (Web of Science, Scopus).

13. Боровик, Ю. В. Метрический учет у старообрядцев часовенного и белокриницкого согласий на горнозаводском Урале: заметки к истории источника / Ю. В. Боровик // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2019. – № 2 (26). – С. 235–249 (0,7 п. л.).

14. Боровик, Ю. В. Труды по изучению, описанию и изданию святоотеческого наследия / Н. В. Ануфриева, Ю. В. Боровик // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2019. – № 3. – С. 338–344 (0,4/0,2 п. л.).

15. Боровик, Ю. В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX века / Ю. В. Боровик // Вопросы ономастики. – 2019. – № 3. – С. 41–58 (0,8 п. л.) (Web of Science, Scopus).

Монографии

16. Клюкина, Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. / Ю. В. Клюкина // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий / Отв. ред. И. В. Починская. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 85–135. (22,75/3,7 п. л.).

17. Боровик, Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в. / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2017. – 382 с. (23,6/1,8 п. л.).

18. Боровик, Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе веков (1905–1927 гг.). / Ю. В. Боровик – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2019. – 212 с. (7 п. л.).

19. Боровик, Ю. В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX вв.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбургa. / Ю. В. Боровик – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2019. – 445 с. (18 п. л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалах конференций

20. Боровик, Ю. В. «В нашей стране таковых разных толков и разных понятий... перенаполнено» (К истории некоторых старообрядческих согласий Урала и Зауралья в начале XX в.: спасовцы, рябиновцы, самокресты) / Ю. В. Боровик // Проблемы истории России. – Вып. 6: От Средневековья к современности – Екатеринбург, 2005. – С. 294–315 (1,1 п. л.).

21. Боровик, Ю. В. Послание из Колыванской пустыни» / Ю. В. Боровик // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 2005. – Вып. XII. – (Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 2). – С. 228–298, 525–533. Подготовка текста, текстуральные примечания, комментарии (0,9 п. л.).

22. Боровик, Ю. В. Последние из скитян (к истории Сунгульского старообрядческого мужского пустынножительства) / Ю. В. Боровик // Урал в зеркале тысячелетий (V тыс. до н.э. – XXI в. н.э.). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – Кн. 2. – С. 91–96 (0,2 п. л.).

23. Боровик, Ю. В. Скиты в процессе миграций уральских старообрядцев в 1917–1922 гг. / Ю. В. Боровик // Православие в судьбе Урала и России: История и современность. Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. – Екатеринбург, 2010. – С. 187–190 (0,2 п. л.).

24. Боровик, Ю. В. «Ревнителю древлего благочестия» (очерк истории Верхнетагильского старообрядчества) / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – № 1. – С. 178–214 (1,2/0,6 п. л.).

25. Боровик, Ю. В. Н. С. Смородинцев. К истории Невьянского завода / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик // Вестник музея «Невьянская икона». – Екатеринбург, 2013. – Вып. IV (Приложение). – С. 117–148. Подготовка текста, комментарии (0,4/0,2 п. л.).

26. Боровик, Ю. В. Возможности визуальных источников для изучения истории старообрядцев-часовенных Урала в XX в. / Ю. В. Боровик // Вестник музея «Невьянская икона». – Вып. IV. – Екатеринбург, 2013. – С. 198–213 (0,6 п. л.).

27. Боровик, Ю. В. Паломничество к святым могилам глазами старообрядцев XX века: два взгляда с разницей в полстолетия / Ю. В. Боровик // *Orthodoxy in the Slavic world: history, culture, language*. – (Series: *Frontes Slavia Orthodoxa* I). – Olsztyn, 2014. – S. 115–126 (0,7 п. л.).

28. Боровик, Ю. В. Переписи и материалы статистического учета о численности старообрядцев Екатеринбурга в 1860–1890-х гг. / Ю. В. Боровик // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2015. – № 4 (12). – С. 124–130 (0,3 п. л.).

29. Боровик, Ю. В. Сообщество старообрядцев-часовенных Екатеринбурга в начале XX века по материалам церковного учета / Ю. В. Боровик // XII Конгресс антропологов и этнологов России. Сб. материалов. (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) – М.; Екатеринбург, 2015. – С. 225 (0,04 п. л.).

30. Боровик, Ю. В. Метрические книги старообрядцев-часовенных уральского города: характеристика источника / Ю. В. Боровик // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. – Вып. 16. Екатеринбург, 2016. – С. 221–228 (0,3 п. л.).

31. Боровик, Ю. В. Опыт создания комплексной базы данных «Население уральского города» на основе документов метрического учета / Ю. В. Боровик, Е. А. Заболотных, А. В. Коркодинова, Н. Ю. Попова // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 2016. – № 45 (спецвыпуск). – С. 66–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30733372> (0,3/0,1 п. л.).

32. Боровик, Ю. В. Брачные стратегии лютеран Екатеринбурга по материалам метрических книг церкви Св. Петра (1892–1919 гг.) / А. В. Коркодинова, Е. М. Главацкая, Ю. В. Боровик // Церковь. Богословие. История: Материалы IV Междунар. научн.-богослов. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). – Екатеринбург, 2016. – С. 166–172 (0,3/0,1 п. л.).

33. Боровик, Ю. В. Коллекция рукописных и старопечатных книг музея «Невьянская икона» (часть 2) / И. В. Починская, Ю. В. Боровик // Вестник музея «Невьянская икона». – Вып. V. – Екатеринбург, 2017. – С. 6–32 (1/0,5 п. л.).

34. Боровик, Ю. В. Диалог, сотрудничество и конфронтация в религиозных обществах российской провинции начала XX в. (по материалам I Всероссийского съезда старообрядцев часовенного согласия) / Ю. В. Боровик // Studia Humanitatis. – 2017. – № 4. – С. 14. URL: <http://st-hum.ru/en/node/604> (0,8 п. л.).

35. Боровик, Ю. В. «Старообрядческая полемика о времени и о священстве на Урале в конце XIX в.» / Ю. В. Боровик // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Ижевск, 3–6 июля 2017 г.) / Отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. – М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 471 (0,03 п. л.).

36. Боровик, Ю. В. Смертность в старом Екатеринбурге: опыт создания БД по материалам метрических книг / Е. М. Главацкая, Ю. В. Боровик, Д. С. Бахарев, Е. А. Заболотных, А. В. Бобицкий, А. В. Вишневецкая // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы междунар. науч. конф. (Пермь, 16–18 мая 2017 г.). – Пермь, 2017. – С. 88–91 (0,3/0,05 п. л.).

37. Боровик, Ю. В. Старообрядческое пространство Екатеринбурга: вторая половина XIX в. / Ю. В. Боровик // Церковь. Богословие. История: Материалы V междунар. научн.-богослов. конф., посвящ. Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской (Екатеринбург

2–4 февраля 2017 г.) – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. – С. 298–305 (0,4 п. л.).

38. Боровик, Ю. В. «Разсуждение о временах века сего» – апологетическое сочинение старообрядцев часовенного согласия / Ю. В. Боровик // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. / Ред. А. Х. Элерт. Сб. ст. – (Серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 37). – Новосибирск: ИИ СО РАН, 2018. – С. 313–325 (0,8 п. л.).

39. Боровик, Ю. В. Православные меньшинства уральского города в начале XX в.: проницаемые границы или непреодолимые барьеры (по материалам БД метрические книги единоверцев и старообрядцев Екатеринбурга) / Ю. В. Боровик, А. С. Палкин // Аналитические методы и информационные технологии в исторических исследованиях: от оцифрованных данных к приращению знания: Материалы XVI междунар. конф. Ассоциации «История и компьютер». – М.: МАКС пресс, 2018. – С. 73 (0,08/0,04 п. л.).

40. Боровик, Ю. В. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за 1907–1925 гг.: раздел о браках» / Ю. В. Боровик. № гос. свидетельства 2018620345.

41. Боровик, Ю. В. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за 1907–1925 гг.: раздел об умерших» / Ю. В. Боровик. № гос. свидетельства 2019620295.

42. Боровик, Ю. В. База данных «Метрические книги екатеринбургских старообрядцев за 1907–1925 гг.: раздел о родившихся» / Ю. В. Боровик. № гос. свидетельства 2019620296.

43. Боровик, Ю. В. База данных «Семья села Шарташ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, 1874–1894 гг.» / Ю. В. Боровик. № гос. свидетельства 2019620533.

